

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ
ИВАНОВА КИРИЛЛА ГЕННАДЬЕВИЧА «МОТИВЫ ЛИРИКИ
Н.Н. ТУРОВЕРОВА», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.9.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Лирика и поэмы Н. Тuroверова исследуются в проекции его историософской аксиологии, имеющей корни как в русской философской и общественной мысли, так и в трудах историков донского казачества. Сегодня казачье литературное наследие — набирающее силу научное направление, что определяет *актуальность* диссертационной работы К.Г. Иванова. Поэтическое творчество Тuroверова как система, литературный контекст, обращение к интеллектуальным и биографическим источникам образов составляют *новизну* труда К.Г. Иванова. Кроме того, в диссертации поставлен вопрос о едином казачьем тексте. Отмечу, что в томах «Литературной энциклопедии Русского зарубежья 1918–1940» (2000, 2006), подготовленных ИНИОН РАН, материал по названной теме скромнен (например, Тuroверов упомянут на двух страницах).

Автор диссертации четко определил *степень научной разработанности* темы. Судя по тексту работы, в том числе по составленной библиографии, автор учел положения диссертационных исследований 2000-х годов, посвященных донской теме, например «Традиционная культура донского казачества: по материалам фольклора» (2009) В.А. Бахваловой, «Мир казачества в изображении Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова» (2007) Л.И. Гаджиевой, «Донское казачество в художественном восприятии Ф. Д. Крюкова и литературный контекст» (2024) Х. Гао; «Фольклорные традиции в поэзии Н.Н. Тuroверова» (2019) А.А. Кротовой и др., а также научных работ, посвященных революции, Гражданской войне, спецификам поэзии первой волны эмиграции. В диссертации К.Г. Иванова выявлена мотивная система его произведений, определены связи содержания текстов и взглядов поэта на прошлое, настоящее и будущее донского казачества. Перед нами первый научный труд, в котором творчество Тuroверова проанализировано в его многозначности и развитии.

Труд Туроверова «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества» (1928), большой корпус поэтических текстов созвучны, на мой взгляд, положениям трудов А.И. Ригельмана («История или повествование о Донских казаках», 1778), А.И. Медведева («Служба Донского Войска в связи с его экономическим положением», 1899), П.Н. Краснова («История войска Донского. Картины былого Тихого Дона», 1909), И.А. Родионова («Тихий Дон», 1913). Вместе с тем положения диссертации убеждают в том, что у Туроверова сложился свой взгляд на исторические пути донского казачества.

В диссертации тщательно обозначены *цель и задачи* исследования. Корректно сформулированы *объект, материал, предмет исследования, положения и выводы* раскрывают авторскую концепцию. К.Г. Иванов убедительно доказывает, что определяющий фактор содержания большинства произведений Туроверова — его историософская аксиология. К.Г. Иванов выявил, как в поэзии Туроверова отразилась его концепция трех исторических Донов («Вольница Дикого Поля», походы за добычей — на Волгу, Яик, в Турцию, Персию, Крым и идея обретения Казакии за пределами России; Имперское Войско Донское, период от присоединения Дона к Империи Петра Первого до Октябрьской революции, участие во всех войнах XVIII–XIX вв.; война 1918–1920 гг. как «бессмысленное зло», судьба Каледина — последнего донского атамана, преданного войсковым кругом, исход — «И воды прощальные Дона / Несли по течению нас»), и четвертого Дона — предстоящего «последнего казачьего исхода» в Сибирь. Советую соотнести идею четвертого Дона с поэмой П. Васильева «Песня о гибели казачьего войска» (о разгроме Красной армией казачьего войска в Сибири).

Внимание автора диссертации сфокусировано на отношении Туроверова к частому в художественных текстах вопросу о ментальности донских казаков и русских северной, центральной частей Российской империи. Достаточно обратиться к описанию этнических отношений между прииртышским казачеством и восточными народами в поэмах П. Васильева, донскими казаками и калмыками в

«Гулебщиках» Ф. Крюкова, «Степных людях» А. Серафимовича и др. В диссертации приведен ряд примеров из поэтического наследия Туроверова. Показательно стихотворение «Вольница», в котором выражено неприятие казаками ни мусульманского мира, ни «Москвы крутого закона», или стихотворения «Бунт», в котором описаны плоты с казненными по указу Москвы казаками-бунтовщиками, или максима из стихотворения «Москва»: «Татарское иго — Московское иго: / Одна белоглазая чужь!..» и т.п. Из диссертационной работы следует, что в идеализации казачьей вольницы между Туроверовым и лирическими персонажами есть дистанция («как опасно красочную старину проводить в жизнь, показали трагические, незабываемые годы гражданской войны»; неизбежно «признание и сочетание прав донцов и империи, закрепленное личной императорской властью»).

Из анализируемых текстов следует, что большинство произведений Туроверова обращено к судьбоносным поворотам истории и современности. Например, стихотворение «Сечь» — ко временам Брестской унии, воспоминания «Гибель Чернецова», как и рассказ «Первая любовь», большой корпус поэтических текстов («В эту ночь мы ушли от погони...», «Эти дни не могут повторяться...», «Не выдаст моя кобылица...», «Мороз крепчал. Стоял такой мороз...», «Мы ничего ни у кого не просим...», «Февраль» и др.) посвящены событиям Гражданской войны, например Ледяному и Степному походам. Содержание исторической прозы Туроверова соответствует его поэтическим текстам. Например, статью «Казачий сказ о Суворове» К.Г. Иванов соотносит с мотивами стихотворения «Суворов», повесть «Конец Суворова» — со стихотворением «Трѣббия»; статьям, посвященным атаману Платову («Платов и его английские изображения», «Дочь Платова», «Платов в Лондоне»), созвучно стихотворение «Элегия» и др.; стихотворение «Азов» прочитывается в контексте статьи «Некоторые иностранные сказания о взятии казаками Азова». Прошу пояснить, насколько продуктивным для поэзии Туроверова был русский источник «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».

Историческая и интимная лирика Туроверова выражает экзистенциальные смыслы — любовь, смерть, братство, веру, испытания судьбы, жертвенность и проч. Рассмотрена лексика, выражающая скрытое и явное содержание казачьего быта и бытия, описано созвучие природы (Дон, степь, ветер и др.) психотипу казака, высказаны замечания о символической образности, специфике рифмовки (в том числе с ономастией). Рассмотрены тексты, в которых доминирует мотив духовной гармонии, повторяющийся в бытописательской и пейзажной лирике. Перспективно сопоставление образных рядов лирики Туроверова с содержанием лирики сибирской казачки М. Волковой. Анализируется тема творчества и связанные с ней мотивы слова, Музы, поэтической суггестии, Божественного вдохновения. Сопоставлены редакции текстов.

Особое место в диссертации отведено художественному восприятию христианской аксиологии. Выявлено, как в описание судьбы казачества Туроверов вводит библейские мотивы (богоизбранность, Вифлеемская звезда над казачьей землей, волхвы, Богородица в донских степях и т.д.). Отмечу, что подобные аллюзии России 1910-х годов на евангельскую историю ярко прозвучали и в скифской поэзии А. Блока, А. Белого, С. Есенина, Н. Клюева. К.Г. Иванов приводит целый ряд стихотворений Туроверова, в которых события начала 1920-х годов представлены в христианской интерпретации (например, судьба казачества в стихотворении «Февраль» уподоблена судьбе Христа, в основу стихотворения «Было их с урядником тринадцать...» положена аллюзия казаков на апостолов и т.д.) Предприняты герменевтический и сопоставительный подходы к стихотворениям о Саваофе, Богородице («казачьем престоле Покрова»), отмечены обращения Туроверова к святым Георгию, Николаю. Прослежено, как историческая тема соотносится с эсхатологической.

К константным К.Г. Иванов относит мотив пути как пейзажной конкретики и исторической судьбы казачества — от становления до исхода. Сборник стихов 1928 года назван «Путь». Обстоятельно рассмотрены «хронотопические узлы» вошедших в него текстов, определено созвучие мотива пути и мотивов бездорожья, Голгофы, памяти, родины, эмиграции (скитальца), наконец —

небесной тропы (в сакральном смысле и как Млечного пути). Объяснена частотность лексемы «шлях», указано на семантические отличия образов пути и дороги. Статистически определена функциональность понятий «дорога», «шлях», «путь» в лирике других казачьих поэтов (Поляков, Келин, Волкова).

Рассматривая интерпретацию темы эмиграции, К.Г. Иванов обращается к совокупности таких приоритетных мотивов, как «ласковый плен», «чужой мир», «чужие двери», «железное чрево», «галльский хронотоп», связанных с мотивами самоидентификации («Снова стану пленником Европы / В общечеловеческой судьбе»), утраченной России и возможности возвращения. С одной стороны, Туроверов не исключает своего принятия Франции («Не все равно ль, чему поверить, / Какие страны полюбить...»), с другой, как доказано в диссертации, — в культурном пространстве Парижа казак ощущает себя «уродом». Советую обратиться к стихоподобной прозе И. Шмелёва «Письмо молодого казака».

Отдельное место в диссертации отведено любовным мотивам, в том числе отношениям казака и похищенной им девушки (отмечу: подобные факты описаны Ригельманом), или кочевой «случайной» любви (с точки зрения К.Г. Иванова, «кочевая» любовь интерпретирована Туроверовым в духе традиционных любовных историй путешественников и воинов), или выбору влюбленного казака в пользу «родной стороны» и т.д.

Для представлений о путях развития русской поэзии и прозы, с одной стороны, и творческой индивидуальности Туроверова — с другой, значим широкий литературный контекст. Во-первых, К.Г. Иванов вводит лирику Туроверова в казачий поток русской литературы. На протяжении всей диссертации проведен сравнительный анализ лирики Туроверова и М. Волковой, Н. Келина, П. Полякова. В дальнейшем для осмысления места и роли произведений Туроверова в «казачьем тексте» есть смысл обратиться не только к прозе М. Шолохова, Ф. Крюкова (как это сделано в диссертации Л.И. Гаджиевой), но и П. Краснова, И. Сазонова, И. Родионова, А. Серафимовича и других (например, входящих в состав пражского объединения молодых литераторов, Союз кубанских писателей).

Во-вторых, творческое наследие Туроверова представлено в диалогических отношениях с классической русской поэзией. Например, строки из «Сечи» прочитываются как реминисценция «Тараса Бульбы» Н. Гоголя, «Кинжал» соотнесен с «Кинжалом» А. Пушкина и «Кинжалом» М. Лермонтова (отмечена «сквозная для лирики поэта лермонтовская традиция»), «Сочельник» — со стихотворением Ф. Тютчева «Эти бедные селенья...», цикл «Крым» — с тютчевским «Полднем», «Кончалось веселое лето» — с «Чертовыми качелями» Ф. Сологуба, «Все те же убогие хаты...» — с «Сусальным золотом горят...» О. Мандельштама и т.д. Новаторски соотнесены мотивы цикла «Гурда́» и рассказа И. Лукаша «Деды».

Особо надо отметить фрагмент, в котором говорится о влиянии цикла «Капитаны» Н. Гумилева на один из вариантов стихотворения «Вольница». По сути, речь идет о проекции гумилевских капитанов на образы казаков первого Дона. Соглашаюсь с версией К.Г. Иванова о ключевом для Туроверова обозначении Гумилевым капитанов словом «ватага». К.Г. Иванов указывает на значимую правку Туроверова — поэт убрал строки о роли для казаков чужих, уже заселенных пространств («Вы за татарами скакали» и т.п.); автор диссертации полагает, что тем самым Туроверов нивелировал ученический эффект от своего текста. Возможно, смысл правки иной; Гумилев воспевал не флибустьеров, а первооткрывателей («Открыватели новых земель», «Как будто наш мир не открыт до конца!», «Но в мире есть иные области», «Туда, за тропик Козерога!»), тогда как у казаков были другие задачи.

Остановлюсь на еще одном ярком эпизоде, связанном с русским скифством 1910-х годов. В интерпретации большевиков как скифов Туроверов, автор стихотворения «Орда», по мнению автора диссертации, полемизирует со «Скифами» А. Блока. Диалог Туроверова с Блоком очевиден, что выразилось и в лексических совпадениях, на которые указано в диссертации («Голодный блеск косых и жадных глаз» / «С раскосыми и жадными очами!»). Указано на созвучие со «Скифами» Блока целого ряда стихотворений Туроверова («Перекоп», «Клич» и др.), но в них иной «ценностный знак»: «если для части духовных скифов

революция мыслилась как взрыв органической, народной, жизнетворной силы, то у Туроверова эта же стихия предстает в аспекте антикультурного и антигосударственного нашествия». Позволю себе лишь небольшое уточнение: в «Скифах» речь идет не о позитивности азиатской стихии, а о скифской России, в которой выражена цивилизационная универсальность (и «острый галльский смысл», и «сумрачный германский гений», и барьер между Европой и Азией, и готовность к «братскому пиру», потому что, судя по хронологически соответствующим дневниковым записям Блока, русские — «последние арийцы», «скинувшиеся» азиатами; примечательно, что скифы пришли на некогда праарийские земли, по О. Шрадеру). Не могу не привести еще один вывод, сделанный в связи с написанным во время Великой Отечественной войны циклом (поэмой) «Прокаженный» — это теперь уже осознание Туроверовым «своего родства со скифством» («Сметая все, прошли здесь скифы — / Родные пращуры мои»). Отмечу, что русские-скифы — востребованная в эмиграции тема от эпизода в «Пушечном мясе» Шмелёва до романа «Скиф в Европе» Р. Гуля.

Итак, в диссертации К.Г. Иванова прежние историко-литературные лакуны заполняются смыслами. Высказанные ранее рекомендации носят характер научного диалога. Хотелось бы добавить еще одно пожелание на будущее — в связи с историософскими, геополитическими взглядами Туроверова глубже осмыслить актуализированную в Серебряном веке (А. Блок, А. Белый, М. Горький, С. Есенин, Н. Клюев, А. Кусиков, В. Хлебников и др.) проблему «Запад — Россия — Восток».

Добавлю следующие формальные замечания. Название диссертации предполагает указание на конкретный научный аспект. Диссертация должна завершаться библиографией (указан список литературы). Прошу обратить внимание на наличие в тексте диссертации опечаток, встречается отсутствие указания на год создания того или иного текста, жанр «Серко» обозначен как поэма и баллада, в ряде случаев название стихотворения по первой строчке дано без многоточия.

Во введении четко сформулирована теоретическая и практическая значимость работы. Высокая степень достоверности подтверждается обращением к объемному корпусу текстов. Автореферат полно отражает содержание диссертации. Диссертационная работа соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. — Русская литература и литературы народов Российской Федерации, в частности следующим пунктам: п. 4. История русской литературы XX века (1890–1920-е годы), п. 7. История литературы русского зарубежья, п. 10. Биография и творческий путь писателя, п. 11. Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве.

Диссертация К.Г. Иванова «Мотивы лирики Н.Н. Тuroверова» — самостоятельное законченное научно-квалификационное исследование, отвечает требованиям п. 9, п.10, п. 11, п. 12, п.13, п.14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями). Иванов Кирилл Геннадьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 — Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук
(10.01.01 — Русская литература),
профессор, профессор кафедры
истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Подпись заверяю

Адрес филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова:
Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51.
Телефон: +7 (495) 939-32-77.
E-mail: dekan@philol.msu.ru

30.04.2026